

Задавысвичка Ю.Н., Маврин А.В.
ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ДОКТРИНЫ «МОРСКОЙ МОЩИ»
А. МЭХЭНА

Доктрина «морской мощи» А. Мэхэна освещена достаточно неплохо в русскоязычной историографии. Это статьи В.М. Кулакова [1], И.П. Дементьева [2], Л.И. Зезюлиной [3], Ю.Н. Задавысвички [4], А.В. Маврина и др. Имеются публикации и по практической реализации доктрины А. Мэхэна (работы А.П. Раскина [5], Ю.Е. Савельева [6], А.А. Фурсенко [7]). Однако этот исторический сюжет, связанный с доктриной, нуждается в дальнейшем уточнении. Эту цель поставил автор в настоящей статье.

Одним из тех, кто особенно рьяно осуществлял на практике захватнические требования крепнувшего монополистического капитала США, воплощавшиеся в реализации проектов А. Мэхэна, был У. Мак-Кинли, избранный в ноябре 1896 г. на пост президента США при помощи поддержки со стороны нефтяного треста Рокфеллера и связанных с ним капиталистических группировок.

Программа республиканской партии 1896 г. предусматривала быстрее сооружение канала между Атлантическим и Тихим океанами, занятие твёрдой позиции в отношении событий на Кубе и другие акции, отвечавшие желаниям экспансионистских кругов США [8, с.7].

В 1948 г. американский историк Перкинс в книге «Эволюция американской внешней политики» писал: «Соединённые Штаты мировой державой стали со времён Мак-Кинли, и это произошло в результате осознания своей силы и своих целей в период войны с Испанией». Сам Мак-Кинли 1 мая 1901 г. заявил: «Мы достигли такой точки развития индустрии, что нам нужны новые и чужие рынки, чтобы обеспечить своему капиталу дальнейший рост [9, с.7]. И для этого, как учил А. Мэхэн, необходимо иметь «флот, равный флоту Англии, и такую же хорошую армию, как армия Германии» [цит. по: 10, с.12].

Джон Марион в своей книге «Базы и империя. Карта американской экспансии отмечает, что «даже в годы, предшествовавшие захвату власти в США финансово-промышленными кругами и направлению ими американской политики на внешнюю экспансию, шла систематическая подготовка позиций, приведшая к современной экспансии Соединённых Штатов. Основную роль в этом процессе играл флот. Торговцы, китоловы миссионеры и судовладельцы могли ехать куда угодно в погоне за долларами, а военно-морской флот должен был охранять и защищать их. Так флот превратился в своего рода «сверхминистерство иностранных дел» [11, с.55].

Таким образом, переход США в период президентства У. Мак-Кинли к активной «заокеанской» экспансии – это продолжение политики, проводившейся задолго до него. Кроме того, внешнеполитический курс США оставался неизменным; кто бы ни возглавлял правительство – республиканец Рузвельт или демократ Вильсон, – США участвовали в борьбе держав за рынки во имя интересов монополий [12, с.9].

Первый вопрос, на котором следует подробно остановиться, изучая практические шаги в США по реализации идей А. Мэхэна, его доктрины «морской мощи» является, несомненно, строительство большого флота, способного обеспечить выполнение задачи, по отношению к которому флот занимает подчинённое положение – это мировое господство США.

До начала 80-х годов XIX в. Соединённые Штаты не строили судов для активных морских операций. Их военный флот сохранялся на уровне, достигнутом во времена гражданской войны, и состоял из нескольких десятков устаревших парусников и мониторов для береговой обороны. Родина броненосцев – Америка, после окончания войны не внесла ничего нового в строительство судов этого типа. Первые шаги в направлении реконструкции флота были сделаны в 1883 г., когда конгресс после долгих препирательств принял закон о строительстве трёх лёгких крейсеров и одного посыльного судна. Эти АВСД (по начальным буквам названий «Атланта», «Бостон», «Чикаго», «Дельфин») были первыми кораблями нового флота США и обошлись казне приблизительно в 4 млн. долларов [13, р.49]. Затем последовал быстрый рост судостроительных программ в 1885-1889 гг., когда конгрессом было санкционировано строительство 29 единиц флота общим водоизмещением около 70 тыс. т. К этому времени относится появление первенцев американского линейного флота – броненосцев «Мэйн», «Техас» и бронированного крейсера «Нью-Йорк» [13, р.49].

Едва начав развиваться, флот столкнулся с целым рядом трудностей, среди которых было отсутствие материальной базы для производства брони и корабельной артиллерии, неопытность судостроителей, патронат и взяточничество, пышным цветом расцветавшие на ниве военно-морского строительства [5, с.259].

Однако самым серьёзным недостатком было отсутствие чёткого понимания путей, по которым следовало развиваться американскому флоту, аморфность и отсутствие перспектив в господствующей военно-морской доктрине «береговой обороны». Поэтому появление книги А. Мэхэна «Влияние морской силы на историю» можно считать началом нового этапа как в генезисе американской военной стратегии от обороны к нападению, так и в строительстве большого флота.

Число кораблей нового флота продолжало расти, и в результате, с 12-го места, которое США занимали в 1881 г., они к 1896 г. передвинулись по броненосцам на шестое место в мире, а по крейсерам – на четвёртое, обойдя Испанию, Германию и Россию [5, с.260]. Вспыхнувшая вскоре испано-американская война сделала США обладателями крупных колоний или полукolonий: Пуэрто-Рико, Филиппин, Кубы

[14, с.4]. Несомненно, что на рубеже XIX–XX вв. военно-морской флот США являлся важным орудием в руках господствующего класса для осуществления колониальной политики американских империалистов вне американского континента. Это было подтверждено всем ходом развязанной США испано-американской войны, первой войны за передел мира.

В экспансионистских кругах стали раздаваться призывы крайних милитаристов «выстроить и поддерживать флот, уступающий по мощи только флоту Великобритании» [15, р.88]. Эти призывы не оставались безответными. В течение двух лет (1898-1899) конгресс проголосовал за постройку шести первоклассных броненосцев общей стоимостью около 35 млн. долларов и нескольких десятков других судов разных классов [15, р.150]. Американский историк Пратт в своей работе «Колониальный эксперимент» пишет, что тогдашний министр ВМС США Бенджамин Трейси был полностью солидарен со взглядами Мэхэна и призывал к постройке флота из 20 боевых кораблей: 12 для Атлантического океана и 8 для Тихого, а назначенное им политическое управление пошло дальше, предлагая флот из 200 кораблей, общей стоимостью в 350 млн. долларов [16, р.28].

Конгресс не одобрил столь грандиозную программу, однако в 1890 г. утвердил постройку трёх судов: «Индиана», «Массачусетс», «Орегон», которые вместе с «Айовой» составили костяк американского флота в войне с Испанией в 1898 г. [17, р.12, 13].

Январский номер журнала «Норс Америкэн Ревью» приводит данные о росте американского военно-морского флота по годам, начиная с 1884 г.: однотипные корабли «Атланта» и «Бостон», водоизмещением 3200 т; в 1885 – два бронированных крейсера «Ньюарк» и «Чарлстон»; 1886 – «Техас», водоизмещением 6300 т, «Балтимор» в 4600 т; 1887 – «Филадельфия» и «Сан-Франциско» 4324 т и 4088 т соответственно; в том же 1887 г. был построен первый крейсер с двойной защитой из стали – «Мэйн» водоизмещением 5500 т; в 1888 г. конгресс утвердил постройку шести бронированных крейсеров и одного с усиленной защитой: «Нью-Йорк» (2000 т), «Детройт», «Монтгомери» и «Марблхэд» такого же водоизмещения, два крейсера «Рэйли» и «Цинцинати» по 3200 т. В 1892 г. были построены «Орегон» (10200 т), «Индиана» и «Массачусетс» (по 9200 т), «Бруклин» и «Айова» (по 11300 т), а также «Миннеаполис» водоизмещением 7350 т [18, р.49-52]. Таким образом, за период с 1884 по 1892 гг. только крупных судов было построено 21 единица. Подводя итоги этого строительства, журнал «Форум» в ноябрьском номере 1891 года писал, что за девять лет (с 1883 по 1891 гг.) было построено 8 крейсеров водоизмещением от 4000 до 5000 т, 4 канонерские лодки от 800 до 1700 т, посыльное судно. Все они вооружены и защищены, кроме того, на различных стадиях постройки находятся три корабля по 11000 тонн, один монитор береговой охраны, один бронированный крейсер (8300 т), два крейсера по 7500 т, крейсер в 5500 т, корабль для защиты гаваней в 2650 т, три малых крейсера по 2000 т каждый, две канонерские лодки по 1000 т каждая и учебный корабль для военно-морской академии. Кроме того, паровые машины для двух кораблей, строительство которых вскоре начнётся на верфях Нью-Йорка и Норфолка [19, р.390]. То есть, в целом, на вооружении американского империализма имелась внушительная сила почти из 30 боевых кораблей, оснащённых по последнему слову техники того времени. Однако и этого было недостаточно сторонникам доктрины морской силы, они требовали обеспечить в восьмилетний срок постройку флота, общим водоизмещением в 113500 т [19, р.391]. Намечалось достигнуть количества бронированных судов – 120 единиц всех классов и 101 торпедную лодку, общей стоимостью в 350 млн. долларов [20, р.256].

В 1901 г. президентом США стал Т. Рузвельт. Внешнеполитические концепции Рузвельта во многом базировались на идеях Мэхэна, в частности на его положении о необходимости для США иметь сильный военно-морской флот.

Ещё на заре американского маринизма, в 1890 г. Рузвельт писал Мэхэну по поводу его книги «Влияние морской силы на историю: «Два последних дня, несмотря на занятость, я провёл половину времени за чтением Вашей книги. Это очень хорошая книга, восхитительная, и я глубоко ошибусь, если окажется, что она не станет классической» [21, р.238].

В одном из своих писем к Мэхэну Рузвельт называет его «выдающимся воспитателем общественного мнения» [22, р.23]. В своей «Автобиографии» президент Рузвельт не скрывает, что испытывал большое влияние идей Мэхэна [23, р.207]. В своих речах и печатных трудах Рузвельт настойчиво пропагандировал строительство большого флота [23, pp.40–52].

Полностью солидаризируясь со взглядами Мэхэна, Теодор Рузвельт считал необходимым претворить их в жизнь. Как до, так и после прихода к власти, он содействовал мобилизации всего агитационно-пропагандистского аппарата для того, чтобы распространить воинствующие идеи империализма и морской мощи США.

Рузвельт имел возможность влиять на военно-морскую политику США ещё будучи заместителем министра флота США. Несомненно его влияние на события 1898 г.: «Сразу же с того момента, как я начал работать в качестве помощника министра... я старался приблизить войну» [24, р.208].

В это время Рузвельт – один из активных «джингоистов», сторонник быстрого развития флота, агрессивной внешней политики и морской экспансии [25, с.174–175].

Многие аспекты внутренней и особенно внешней политики Т. Рузвельта тесно связаны с утверждением морского могущества США. В отличие от своих предшественников, Рузвельт более активно воздействовал на конгресс в целях проведения своих планов.

Практика предыдущих двух десятилетий показывала, что предложения, вносимые от лица админист-

рации, практически отдавались на усмотрение конгресса. Ни министры флота, ни тем более президенты не предпринимали шагов, которые можно было бы расценивать как попытки оказать давление на конгрессменов. Но на протяжении своего семилетнего пребывания у власти Рузвельт не упускал случая своим авторитетом склонить чашу весов в благоприятную для флота сторону [см.: 26]. Президент обязательно уделял много места флоту в своих ежегодных посланиях конгрессу, широко практиковал специальные обращения к Сенату и Палате представителей.

До 1905 г., впрочем, морские ассигнования проходили в конгрессе без особых трудностей. Вокруг флота ещё не потускнел ореол победителя в испано-американской войне [27, с.188]. В ходе обсуждения судостроительных программ 1902 г. предметом спора стал лишь вопрос о том, каким верфям отдавать предпочтение при строительстве кораблей – государственным или частным. Было решено броненосец «Коннектикут» отдать частной форме «Ньюпорт ньюс», а второй – «Луизиана» – государственной судостроительной верфи.

Было разрешено строительство пяти броненосцев: трёх водоизмещением 16000 т и двух водоизмещением 13000 т [5, с.256].

Стремительный взлёт мощи американского флота в 1903 г. связан с усилением контроля США в Западном полушарии. Подобно тому, как в своё время, в начале строительства большого флота, была использована гибель двух старых судов в результате тайфуна на Самоа в марте 1889 г. как аргумент в пользу выдвинутой морским министерством программы оснащения американского флота новыми кораблями, был использован и успех демарша Олни от 20 июня 1895 г. [28, с.12]. Ажиотаж, поднятый американской прессой вокруг венесуэльского конфликта, дал возможность правительству увеличить в 1895-1906 гг. ассигнования на усиление военно-морского флота. Было принято решение о постройке трёх военных судов первого класса и 10 торпедных лодок [27, с.177].

Ещё Мэхэн обращал внимание на вероятность конфликта с Европейскими государствами при решении проблемы господства в центрально- и южноамериканских государствах. Считая, «бесспорным» географическое и экономическое преимущество США в этом районе, Мэхэн писал, что «это преимущество США не будет иметь цены, если они будут сильно отставать в отношении грубой силы, которая всё ещё остаётся последним аргументом республик, как и королей» [29, с.256].

Опираясь на мощный флот, США пытались добиться не только территориального, но также политического и экономического вытеснения Европы из Западного полушария [30, с.92].

Позднее, уже в 1913 г., когда обострились отношения с Японией, это было использовано сторонниками гонки морских вооружений всё с той же целью: усиление военно-морского флота США. В январе 1913 г. Мэхэн выступил со статьёй, в которой рассматривал вероятность войны между США и Японией [31, с.239].

Проведение Соединёнными Штатами экспансионистской политики резко усилило влияние сторонников увеличения флота внутри страны. В начале XX в. расширился круг лиц, нуждавшихся в сильном флоте для защиты своих интересов на мировых рынках. Взгляды деловых кругов были выражены в резолюции Национальной промышленной Лиги, которая ратовала за дальнейшее увеличение флота и приведение его в соответствие с флотами ведущих морских держав. Пребывание Рузвельта на президентском посту давало известные гарантии судостроителям, расширявшим свои предприятия. Пропорционально росту дивидендов, приносимых непосредственно строительством флота и косвенно его действиями по обеспечению интересов США на мировых рынках, росло и движение за его увеличение.

Американский исследователь О. Гара пишет по этому поводу: «крупные судовладельцы, экспортёры, владельцы предприятий, выпускающих экспортные товары, так же как и судостроители, главы металлургической промышленности и многие другие, кто надеялся нажиться на строительстве флота, все они выступали за большой флот» [5, с.268].

Эти выступления получили организационный характер после создания в 1903 г. Морской Лиги во главе с Б. Трейси. Это событие явилось последним в истории роста американской морской мощи в 1903 г. Морские дебаты 1904 г. в конгрессе проходили под знаком выравнивания пропорции в отношении броненосцев и бронированных крейсеров флота, которая была нарушена санкционированием строительства пяти броненосцев в 1903 г. [5, с.268].

Это можно объяснить следующими причинами: 1) результатами прошедших президентских выборов, в ходе которых выявилась сильная антиимпериалистическая оппозиция внутри страны и 2) итогами русско-японской войны и ролью «миротворца», принятой США на заключительном её этапе [32, с.268–310].

После исчезновения русского флота из Тихого океана увеличение японских морских программ было справедливо расценено в Соединённых Штатах как заявка на будущую гегемонию в районе Юго-Восточной Азии. Американские экспансионисты учли эти изменения и, несмотря на сопротивление конгресса, стали выступать за всё более значительное увеличение флота.

С 1901 по 1905 гг. ассигнования на военно-морские силы США составили 85–118 млн. долларов и явились наибольшими ассигнованиями в мирное время по сравнению со всем предшествующим периодом [17, р.261]. Такое увеличение ассигнований на военно-морское строительство объяснялось также и тем обстоятельством, что в развитии военного флота была заинтересована быстро развивающаяся в то время стальная промышленность [17, р.262]. Кроме того, появление английского броненосца «Дредноут» 18000 т водоизмещением делало устаревшими самые мощные американские корабли этого класса. В 1906 г. США приняли закон о постройке броненосца «Делавэр» водоизмещением 20000 т [24, р.223]. В

1907 г. Рузвельт высказался за принятие программы из двух «дредноутов», но обсуждение в конгрессе показало, что этого трудно будет добиться. В 1907 г. было санкционировано строительство только одного броненосца «Норз Дакота», повторявшего «Делавэр». Германская же военно-морская программа на 1907-1914 гг. состояла из 4-х крупнотоннажных броненосцев [24, p.224].

Появилась реальная угроза утраты США позиций на море. Тогда Рузвельт применил новую тактику по отношению к конгрессу. В послании от 3 декабря 1907 г. он констатировал провал попыток Второй Гаагской конференции установить ограничения в росте военно-морских сил. «При таких условиях, – говорил президент, – было бы нерационально с нашей стороны перестать строить далее наш флот... По моему мнению, мы должны в этом году утвердить постройку четырёх судов. Нам необходимы угольные станции... Надо уже построить большое число миноносцев и минных истребителей. Береговые укрепления также должны быть построены на Атлантическом и Тихом берегах вблизи наших больших портов. Никогда ещё битва не была выиграна парированием нападения, она может быть выиграна только сильным ударом и только агрессивный мореходный флот может нанести такой удар [33, с.351].

В качестве давления на общественное мнение и на конгресс использовались военно-морские демонстрации. В мае-июне 1904 г. были проведены небывалые до того времени в истории США по своему размаху заграничные «учебные походы» американских эскадр. Северо-американская эскадра контр-адмирала Баркера была направлена в Средиземное море, Южно-атлантическая эскадра контр-адмирала Чадвика, пройдя через Средиземное море, посетила Мадагаскар и Южно-Африканский Союз. Тихоокеанская эскадра контр-адмирала Глэсса покинула Панаму и направилась в полном составе на Гавайи. Европейская эскадра контр-адмирала Джевеля была направлена из Вест-Индии в Средиземное море [10, с.159–160].

Почти одновременно в военно-стратегических целях США предприняли строительство радиотелеграфной линии, которая проходила из Бостона в Кап-Флаттерн в штате Вашингтон, где строилась самая большая в то время радиостанция, от которой линия шла на самый юг Алеутских островов, оттуда – в Японию, на – Филиппины, Гавайские острова и обратно, в Сан-Франциско. «Это, – писал русский посол в США Касини, – лишнее доказательство того, что Федеральное правительство не жалеет никаких средств и не упускает из виду ничего, что могло бы ... дать возможность флоту служить правительству опорой для вмешательства во все возникающие дипломатические осложнения, которые за последнее время становятся отличительной чертой политики США» [10, с.160].

Тем не менее, программа 4-х броненосцев не была принята. Морская комиссия палаты представителей предложила ограничиться двумя броненосцами, но внутри комиссии существовало меньшинство, возглавляемое Р. Хобсоном, которое требовало «создать и поддерживать флот, равный соединённым флотам Англии и Японии [5, с.274]. Против строительства кораблей больших водоизмещений выступил даже А. Мэхэн. Вскоре после утверждения в конгрессе проекта броненосца «Делавэр» появилась статья Мэхэна, в которой он доказывал тактические преимущества небольших броненосцев водоизмещением 10000 т перед более крупными. Влиянием Мэхэна и его сторонников можно объяснить включение в программу 1903 г. броненосцев «Айдахо» и «Миссисипи», против которых возражал Т. Рузвельт [5, с.276].

Программа четырёх броненосцев была отвергнута, конгресс утвердил также только два: «Флорида» и «Юта» (тип «Делавэр»). Это, как ни странно был не провал планов президента, а его победа, ибо, как он сам писал: «... конгресс не будет за постройку 4-х броненосцев. Говоря откровенно, я и не предполагал этого, но я знал, что не добьюсь и двух ..., если не предприму отчаянных усилий, чтобы протащить 4» [15, p.170, note].

В руководящих кругах адмиралтейства США считали, что слабость американского флота не в его количестве, а в его дислокации. Чтобы передвинуть его в воды Тихого океана требовалось не менее трёхмесячного плавания вокруг Южной Америки. Рузвельт и верхушка адмиралтейства считали, что флот США должен быть единым и неделимым, для чего необходим был контроль над зоной Панамского канала [34, p.532].

Так, несмотря на расхождения во взглядах на тоннаж кораблей между Рузвельтом и Мэхэном, их разногласия не имели принципиального характера, так как нет сомнения в том, что именно Рузвельтом во многом было заложено материальное воплощение идей Мэхэна.

За 7 лет Рузвельтом была санкционирована постройка 19 броненосцев и бронированных крейсеров, тогда как за предыдущие 18 лет строительство нового флота – 27, причём броненосцы Рузвельта по водоизмещению превосходили все построенные ранее. Рузвельт добился увеличения ассигнований на флот с 1901 по 1909 гг. до 1 млрд. долларов (с 1885 по 1901 гг. – 623,5 млн. долларов). 4 корабля программы 1883 г. стоили 4 млн., а в 1907-1909 гг. на 4 дредноута Рузвельта требовалось в 15 раз больше. Рузвельт стремился превратить военно-морской флот в опору своей внешней политики.

Несомненно, что разговоры о морской мощи государства и его национальных судьбах понадобились Мэхэну, а затем Рузвельту для маскировки программы милитаризации и территориальной экспансии США.

Рассмотрение внешнеполитической деятельности США в период империализма до Первой мировой войны позволит увидеть насколько успешной была та часть доктрины «морской мощи» А. Мэхэна, которая призывала обеспечить военно-морской флот США угольными базами, ремонтными станциями, коммуникациями для успешной деятельности и насколько подготовленными оказались Соединённые Штаты к осуществлению экспансии, как неотъемлемой части жизни «избранной нации».

Примером применения доктрины Мэхэна с целью обоснования агрессивной внешней политики явилась аннексия Гавайских островов. Причём, в пропагандистской кампании, которую вели американские колониалисты, добивавшиеся аннексии, большую роль сыграли Мэхэн и Рузвельт. 11 декабря 1897 г. Рузвельт писал Мэхэну: «Я согласен со всем, что Вы говорите относительно того, каковы будут последствия, если нам не удастся завладеть Гавайскими островами. Это покажет, что мы или утратили, или же вообще полностью лишены того властного инстинкта, который один и может сделать расу великой [Цит. по: 35, с.32].

Однако внутриполитическая борьба в США привела к тому, что договор 1893 г. об аннексии Гавайев не был ратифицирован. Экспансионистская группа, которую возглавляли Т. Рузвельт, Г. Лодж, А. Беверидж, А. Мэхэн продолжала добиваться аннексии Гавайев. В избирательной платформе республиканцев во время выборов 1896 г. предусматривалось установление господства США над Гавайскими островами и над зоной проектировавшегося Панамского канала. В качестве идеологического обоснования военно-морской программы республиканской партии была привлечена доктрина Мэхэна [36, с.57]. И когда в результате выборов 1896 г. президентом стал республиканец Мак-Кинли, летом 1898 г. договор о присоединении Гавайских островов был ратифицирован Сенатом США [3, с.120].

«Блестящая маленькая война» – так Государственный Секретарь США Хэй назвал испано-американскую войну. Главную роль в войне играл флот, который оказался лучше подготовленным, чем прежде. Т. Рузвельт более года до начала войны был помощником морского министра и принимал все усилия к тому, чтобы укрепить флот и соответствующим образом его дислоцировать.

30 апреля 1898 г. американская эскадра из шести кораблей вошла в Манильскую бухту, где стоял устаревший, хотя и более многочисленный испанский флот. 11 испанских кораблей были уничтожены. Эскадра адмирала Дьюи уцелела вся. 3 июля испанская эскадра адмирала Сервера была разгромлена силами флота США у берегов Кубы. «Испания, сбита с ног, переживала разгром. Мак-Кинли покончил с испанской империей, взял Кубу, Пуэрто-Рико, Филиппины» [14, с.4]. Аннексия Филиппин, Гавайев, а позднее части Самоа создавали военно-стратегический плацдарм в бассейне Тихого океана [32, с.168]. Практика экспансии в Океании также находилась в тесном взаимодействии с теорией американской экспансии. С одной стороны, ведущие экспансионистские доктрины США проходили проверку в условиях Океании, с другой, тихоокеанская политика способствовала формированию и дальнейшему развитию самих доктрин. А именно флот являлся наиболее активной политической силой, выступавшей за широкую экспансию в Океании. Тихоокеанские острова рассматривались представителями военно-морских сил США как базы, с помощью которых можно было контролировать стратегические коммуникации, ведущие к берегам Дальнего Востока и на юго-запад Тихого океана.

А. Мэхэн и Т. Рузвельт следили за тем, что происходило в Океании. Они добивались захвата островов. Решающей причиной аннексии о. Гуам стало требование Военно-морского Совета, в котором важную роль играл А. Мэхэн. Тогда же США захватили необитаемый остров Уэйк, на котором впоследствии была построена военно-морская база [28, с.12]. В августе 1898 г. Военно-морской департамент принял решение о строительстве базы на Самоа, полученном по договору 1899 г. с Германией. Одновременно США присвоили себе ряд мелких островов в Океании [28, с.13].

В феврале 1903 г. было подписано соглашение между США и Кубой о передаче в аренду двух морских баз в Гуантанамо и Бая-Онде. Последующие соглашения 27 декабря 1912 г. расширили права Соединённых Штатов на Гуантанамо, приобретшую большое значение в связи с окончанием строительства канала [33, с.47]. 3 мая 1897 г. Рузвельт писал Мэхэну о необходимости контроля над зоной будущего канала [25, с.175].

18 ноября 1901 г. между США и Великобританией был подписан договор, по которому Англия отказывалась от всяких претензий на Панамский канал и признавала гегемонию США на Панамском перешейке [38, с.9]. «Мы должны построить межокеанский канал и захватить все преимущества, которые дадут нам возможность сказать своё слово в разрешении судьбы океанов Востока и Запада» – писал Т. Рузвельт ещё в 1898 г. и его требование реализовалось, когда в 1903 г. Панама отделилась от Республики Колумбия [33, с.271].

13 ноября 1903 г. США признали правительство Панама, пришедшее к власти в результате «революции», которой, по словам её вождя Варильи, могло не быть, если бы американский крейсер «Нешвилл» опоздал на 24 часа [14, с.318].

Таким образом, США сделали ещё один важный шаг по реализации стратегических замыслов в Карибском бассейне, ибо статья XXV договора с Панамской республикой 1903 г. содержала обязательство последней продать или сдать в аренду военно-морские базы и угольные станции, необходимые США «для более успешного выполнения настоящей конвенции, обеспечения безопасности и нейтралитета канала» [38, с.168].

Итак, ещё один стратегический плацдарм для американского флота, намеченный Мэхэном, вошёл в систему опорных пунктов на пути к мировому господству США [29, с.22].

На Дальнем Востоке США стремились играть роль главного арбитра и создать такое положение, при котором, в конечном счете, они могли бы занять на рынках Китая господствующие позиции. Американская политика «открытых дверей» явилась специфическим развитием «морской мощи» в условиях, когда американский империализм был ещё недостаточно силён, чтобы соперничать с европейскими державами [39, с.213].

Добиваясь равных с другими империалистическими державами прав в Турции, США в начале сентября 1903 г. до октября 1908 г. держали военные суда у берегов Сирии. В январе 1904 г. США отправили военные суда в Смирну, а в начале августа средиземноморской эскадре, руководимой адмиралом Джюелем, было предписано отправиться в турецкие воды. Потребовалось не менее трёх лет, чтобы США путём применения угроз и морских демонстраций в турецких портах заставили Турцию выполнить все американские требования [33, с.271].

Аппетиты американского империализма росли, и чтобы показать всему миру серьёзность своих намерений, правящие круги США приняли решение о посылке в Тихий океан крупной эскадры из состава Атлантического флота [33, с.350]. 16 декабря 1907 г. эскадра из 16 крупных боевых судов отправилась в кругосветное путешествие. Американская армада, возглавляемая адмиралом Эвансом, появилась в Тихом океане весной 1906 г., совершив плавание вокруг Южной Америки. Т. Рузвельт при этом ни одну минуту не забывал о необходимости использовать военно-морскую демонстрацию для оказания давления на конгрессменов и сенаторов – сторонников «малой программы морских вооружений» [33, с.253].

Европейская пресса и морские специалисты, бдительно следившие и изучавшие поход, высоко оценивали достижения американского флота [31, с.57].

Во время похода американский флот занимался разведывательной деятельностью в странах Тихого океана, способствуя закреплению уже занятых позиций и готовя базу для захвата новых.

В 1909 г. расходы США на военно-морское строительство составили 16,7% федерального бюджета, а 1 ноября того же года морской министр США Мэйер доложил Конгрессу, что общее водоизмещение американского ВМФ составило 682785 т по сравнению с 1768350 т английского и 609700 т германского [33, с.356].

Американский флот добился ряда технических усовершенствований и поднятия дисциплины.

«Для сохранения мира, – говорил Рузвельт, – Соединённые Штаты должны строить и укреплять военный флот» [49, с.124]. Однако вся деятельность правительства и в военно-морском строительстве, прежде всего, была направлена на то, чтобы обеспечить сохранность огромных прибылей, получаемых монополиями США в новой колониальной империи.

Именно для этого росли военные расходы империалистических держав. Тейлор, биограф А. Мэхэна, приводит сводку роста расходов на создание флота в разных странах, не без основания указывая на причастность автора доктрины «морской мощи» к гонке вооружений [41, с.356]:

(в млн. долларов)	1886–1889 гг.	1913–1914 гг.
Англия	65	230
США	20	145
Россия	20	120
Германия	10	115
Франция	40	95

Соотношение военно-морских сил в мире в целом было (по общему тоннажу флотов) накануне первой мировой войны в 1914 г. [33, с.132]:

Англия	1.633.116 т
США	611.616 т
Франция	609.079 т
Германия	529.032 т
Япония	374.701 т

Так военно-морской флот США стал одним из основных средств осуществления империалистической политики, обеспечив существование колониальной империи США.

В последующее время военно-морские силы Соединённых Штатов играли значительную роль в международных отношениях, вплоть до наших дней являются важным фактором американской внешней политики.

Источники и литература:

1. Кулаков В.М. К критике теории «морской силы» А. Мэхэна // Морской сборник. – 1947. – № 11.
2. Дементьев И.П. Доктрина «морской мощи» Альфреда Мэхэна. // США: ЭПИ. – АН СССР 1972, № 5.
3. Зезюлина Л.И. Доктрина «морской мощи» А. Мэхэна и аннексия Гавайских островов США (1895-1898). – В кн.: Вопросы истории международных отношений. Вып. 6. – Т. 229. – Томск: Изд. ТГУ, 1974.
4. Задавысвичка Ю.Н., Маврин А. Из истории формирования экспансионистской идеологии США (доктрина «морской мощи» А. Мэхэна) // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 30.
5. Раскин А.П. Развитие морской мощи США. – В кн. Американский ежегодник. – М.: Наука, 1974.

6. Савельев Ю.Е. Колониальная политика американского империализма на Филиппинских островах в конце XIX - начале XX вв. (1896-1914). Автореферат на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М.: МГУ, 1952.
7. Фурсенко А.А. Роль военного ведомства во внешней политике США (конец XIX – начало XX вв.). – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1985.
8. Куропятников Г.П. Захват Гавайских островов США. – М., 1958.
9. Слѣзкин Л.Ю. Испано-американская война. 1898 г. – М.: Изд. АН СССР, 1956.
10. Добров А. Дальневосточная политика США в период русско-японской войны. – М.: Госполитиздат, 1952.
11. Марион Д. Базы и империя. Карта американской экспансии. – М.: Изд. Иностранная литература, 1948.
12. Белявская И.А. Буржуазный реформизм в США (1900–1914). – М.: Наука, 1968.
13. The North American Review, vol. cl XII, 1896, № 3.
14. США и Латинская Америка XIX в. – М.: Прогресс, 1974.
15. Davis G.T. Navy: Second to None. New York, 1940.
16. Pratt J.W. America's colonial experiment. – New York, 1951.
17. Sprout H. and M. The Rise of American Naval Power, 1776-1918. – Princeton, 1939.
18. Alderich W.S. Our naval programme. – The North American Review, vol. cl XII, 1896, № 3.
19. The Forum, vol. XII, 1891, № 3.
20. The Forum, vol. XII, 1891, № 2.
21. Aloden C.S. Earle R. The Markers of Naval traditions. Boston, 1925.
22. «Roosevelt to A. Mahan, March 18, 1901». – The letters of Theodore Roosevelt, vol. III, 1951.
23. Roosevelt T. An Autobiography. New York, 1946.
24. Alodenc S. The United States Navy. A History, London, 1901.
25. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895-1907). – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1955.
26. Белявская И.А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь США. – М.: Наука, 1978.
27. Белявская И.А. Испано-американская война 1898 г. В кн. Американский экспансионизм. Новое время. – М.: Наука, 1985.
28. Носков В.В. США и завершение борьбы держав за раздел Тихоокеанских островов. – Автореферат дис. на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – Л.: Изд. ЛГУ, 1983.
29. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю (1793-1812). – М.-Л.: Военмориздат, 1940.
30. Ганелин Р.Ш. Доктрина Олни и её фальсификация в американской историографии. – Вопросы истории, 1951, № 7.
31. Бродский Р.М. Дальневосточная политика США накануне первой мировой войны. – М.: Наука, 1968.
32. Грибникова И.Н. Пацифистское движение в США накануне Второй Гаагской конференции мира. 1907 г. В кн.: Американский ежегодник, 1973. – М., 1973.
33. Зубок Л.И. Экспансионистская политика США в начале XX в. – М.: Наука, 1975.
34. Mahan A.T. Lessons of the Spain and other articles. – Boston, 1899.
35. Мельников Ю.М. Имперская политика США: истоки и современность. – М.: Международные отношения, 1984.
36. Владимиров Л.С. Дипломатия США в начале XX в. – М.: Наука, 1975.
37. Губер А.А. Филиппинская республика 1898 года и американский империализм. – М.: Изд. Восточной литературы, 1961.
38. Саенс В. Проблемы межконтинентальных путей американского континента. – М.: Изд. Иностранной литературы, 1959.
39. Лан В.И. США: от испано-американской до первой мировой войны. – М.: Наука, 1975.
40. Белявская И.А. Буржуазный реформизм в США (1900-1914). – М.: Наука, 1968.
41. Дементьев И.П. Идеальная борьба в США по вопросам экспансии. – М.: МГУ, 1973.

Камянский П.Е.

ПЕРЕДІСТОРІЯ СТАНІСЛАВІВСЬКОЇ УКРАЇНСЬКОЇ ГРЕКО-КАТОЛИЦЬКОЇ ЄПАРХІЇ (1790-1885 рр.)

Актуальність проблеми зв'язок її з важливими науковими та практичними завданнями. Заснування Станіславівської єпархії має свою довгу передісторію. Потреба створення цієї єпархії відчувалась вже здавна, при чому кожного разу “обростала” новими аргументами, однак з різних причин відкладалася. Тому передісторія Станіславівської єпархії (1790-1885 рр.) була більш тривалою, ніж власне її історія від заснування до ліквідації на Львівському Соборі (1885-1946 рр.). Таке співвідношення між передісторією та історією Станіславівської Української Греко-Католицької Єпархії може виглядати парадоксальним, однак насправді є цілком закономірним в таких складних історичних умовах, коли український народ і Греко-Католицька Церква розвивались в рамках багатонаціональної Габсбургської імперії, на території (тобто в Галичині), за право володіння якою вели боротьбу два народи – український і польський. Ці дві обставини